

АЛЕКСАНДР КАН – ПИСАТЕЛЬ, ЭССЕИСТ, ДРАМАТУРГ
(Опыт фрагментарного очерка творчества)

Миркурбанов Н.М.
ТГПУ им. Низами

С творчеством Александра Кана я познакомился впервые в 2006 году, накануне моего первого визита в Страну Утренней свежести. Визит был связан с участием в Международной научной конференции, посвященной проблемам современной и классической корейской литературы, а также уникальному явлению в мировой литературе – возникновению и развитию литературы зарубежных корейцев (коре сарам) за пределами корейского полуострова.

Поездка в Южную Корею и участие в конференции состоялась только благодаря рекомендациям, ходатайству, активному участию в организации визита, профессора Ли Бронислава Сергеевича, являвшемуся в те времена заведующим кафедрой корееведения Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами. Это пространное уточнение не просто реверанс в сторону моего коллеги, действительного подвижника в деле изучения, поддержки и пропаганды достижений литературы коре сарам Узбекистана и других стран СНГ. Дело в том, что именно Ли Б.С. впервые обратил моё пристальное внимание на литературу русскоязычных корейцев. Из всего, как оказалось, полноводного потока литературы корейской диаспоры в странах СНГ, я, на тот период, мог бы вспомнить имя Анатолия Кима. Его сборник рассказов, изданный в Москве, занял своё место у меня на книжной полке ещё в начале 70-х годов прошлого столетия. И вот с легкой руки Брони слава Сергеевича я окупился в мир художественной прозы, поэзии, драматургии и литературной критики корейцев, пишущих по-русски.

При подготовке доклада, который назывался «Философское осмысление мира и человека в современной русскоязычной прозе корейской диаспоры СНГ», я познакомился с некоторыми материалами, опубликованными в сборнике творческого объединения «Огни рампы» города Алматы. Внимание моё сборник, привлек прежде всего своим названием - «Невидимый остров», а затем подзаголовком «Проза и поэзия корейских писателей»¹. Искренне считая, что в руках у меня произведений корейской литературы, переведенные на русский язык, открыл первую страницу, и ещё больше укрепился в своих предположениях, увидев заголовок: «Анатолий Ким (Россия, г. Москва)

¹ Невидимый остров. Проза и поэзия корейских писателей. - Алматы; ИД «Жибек жолы», 2004. - 458 с.

Корейские байки, стихи». Но далее я обнаружил, что в сборнике представлены произведения корейцев, живущих на просторах СНГ и пишущих по-русски.

Что же объединило под одной крышей, правильнее будет сказать, на одном литературном острове, столь разных по таланту, возрасту, эстетическим воззрениям и социальным-политическим взглядам, писателей?

Прежде всего, это, как принято называть, русскоязычные корейские писатели, хотя по моему твердому убеждению, правильнее было бы назвать их - русские писатели, корейцы по национальности.

Во-вторых, и это очень важно, все произведения, вошедшие в сборник, начиная со старинных корейских баек и стихотворений выдающегося российского писателя, корейца Анатолия Кима, поражающих своей душевностью и глубокой печалью рассказов, уже покинувшей этот мир Генриетты Кан, небольшой, но очень насыщенной событиями пронзительной повести «Натюрморт с яблоками» Михаила Пака, до эмоционального, поэтического по звучанию, литературно-критического исследования Александра Кана «Невидимый остров» - посвящены философскому осмыслению места и роли человека в очень непростом современном мире. И ещё, через все страницы сборника настойчиво и даже, в некоторой мере полемически заостренно, проходит мысль о памяти. Памяти национальной, генетической, исторической, которая как бы всегда была основательным стержнем единения для людей, оторванных от своих культурных корней, насильно согнанных с насиженных мест и потому несправедливо обиженных властями.

Название сборник получил от одноименного, уже упомянутого мной выше, литературного эссе, тогда ещё неизвестного мне писателя Александра Кана. Именно это эссе заинтересовало меня в первую очередь, так как в скобках под названием было уточнение: «Корейская диаспора СНГ (1988-1998): опыт художественного преодоления маргинального сознания».

Оговорюсь сразу, эссе поразило меня безудержной категоричностью выводов, хотя чрезвычайно был интересен и сам ход рассуждений автора, но именно выводы у Кана были доведены до уровня аксиоматических истин. Добавьте к этому прекрасный, сочный, метафоричный и очень правильный русский язык, доставшийся ему в наследство от русских классиков, глубокую, порой дерзкую убежденность в своей правоте и вы получите эссе под названием «Невидимый остров».

Во вступлении к эссе, Кан как бы приглашает своего читателя к участию в диалоге: «Данное размышление, - пишет Александр Кан, - рассматривает тему более чем векового существования корейской диаспоры в России с различных точек зрения, но в основном, с

экзистенциальной...»² и далее «...каждую из трех частей данного исследования буквально и символически можно соотнести с определенным местоимением. Соответственно: «ОНИ», «МЫ» и «Я».³

Мне показалось, что эссе не столько размышления о судьбах корейской диаспоры, о сложностях адаптации корейцев в иных природных условиях и этническом окружении и, тем более, это не литературоведческий анализ состояния и перспектив развития художественной литературы корейцев России и стран СНГ. Я воспринял «размышления» Александра Кана как приглашение к диалогу, к полемике. Причем к диалогу не о проблемах довольно небольшой и замкнутой этнической группы корейцев и обособенностях русскоязычной литературы диаспоры, а к полемическим размышлениям о месте человека на земле, о его роли в изменяющемся мире и мучительных, порой отчаянных попытках внимательно разглядеть время и себя, взглядевшись в выражение лиц людей, окружающих тебя. Убедили меня в этом строки «Невидимого острова», где писатель, аннотируя третью часть эссе, пишет о цели своего исследования: «Из экзистенциального прошлого к будущему, а точнее к *будущности человеческого Духа*. Духа уже вне каких-либо рамок – национальных, временных, географических, исторических. ... где история рассматривается как частный рассказ, как литературное произведение...»⁴

Конечно, можно спорить по поводу замысла и его исполнения, исходя из как бы уж давно ставшего почти аксиоматичным утверждения ученых о том, что любая «Попытка зафиксировать и описать время, пока мы его переживаем и находимся внутри него – скорее всего безнадежна. Это ведь одно из удивительных иллюзий (хоть, возможно, и спасительная), что мы обращены лицом в будущее и видим себя нынешних»⁵. Но мне думается, что эссе Александра Кана, русского писателя, члена Союза писателей России, проживающего большее время в Республике Казахстан, корейца по национальности и душе, заставляет читателя сделать хотя бы попытку «разглядеть время и себя, взглядевшись в выражение лиц своих попутчиков» по вселенной.

Комментарий к одному из эссе Александра Кана, сделанный ёмко и убедительно глубоко профессиональной и равнодушной читательницей на сайте Корё сарам, на мой взгляд, можно считать оценкой всего творчества писателя, которое, несомненно, является «...цельной и прекрасной поэмой, посвященной своему народу —

² Невидимый остров. Проза и поэзия корейских писателей. - Алматы; ИД «Жибек жолы», 2004, с.-420

³ Там же, с.-421

⁴ Невидимый остров. Проза и поэзия корейских писателей. - Алматы; ИД «Жибек жолы», 2004, с.-421

⁵ Литературный альманах «Другие берега». (на правах журнала), М., 2001

вечному скитальцу с бесценным сокровищем в душе — возможностью раздвинуть Небеса и открыть для себя по-настоящему широкий и бесконечный путь, преисполненный веры, надежды и любви — путь творчества. Это может быть не только Литература, это, может быть, на мой взгляд, даже не только искусство: само отношение к себе и людям, к любой своей работе, само отношение к Жизни также может быть творчески — бескорыстное самовыражение и любовь к людям, сочувствие и понимание их нужд — наконец, помощь им в самых мучительных поисках людей — в поисках самих себя и своего места в этой жизни. — Что и делает автор текста с присущей ему отвагой, тонкостью и огромным талантом»⁶.

И ещё одна, на мой взгляд, очень важная особенность творческой манеры Кана-писателя – он никогда не пытается потакать читательским вкусам, не опускается до уровня, так называемого, массового читателя, становясь «риелтором культурного пространства». И в то же время он, по-моему, далек от амбиций воссесть на трон «властителя умов» поколения. Что точно очевидно - писатель, сам обладающий чрезвычайно широким культурным кругозором, стремится возвысить читателя до своего уровня видения мира и человека в нем.

Иосиф Александрович Бродский, которого, как мне кажется, боготворит Александр Кан, в своей Нобелевской лекции сказал: «Роман или стихотворение - не монолог, но разговор писателя с читателем - разговор, повторяю, крайне частный, исключаящий всех остальных, если угодно - обоюдно мизантропический. И в момент этого разговора писатель равен читателю, как, впрочем, и наоборот, независимо от того, великий он писатель или нет».⁷

Мысль гениального поэта приходит на память, когда читаешь Александра Кана, независимо от тематики, объёма, жанровой принадлежности его произведений. Именно честный, откровенно-доверительный разговор автора с читателем характерен для всего того, что выходит из-под пера этого талантливой художника слова. Создаётся впечатление, что автор говорит только с тобой, и только тебе доверяет свои сокровенные мысли о потерях и обретениях на пути мучительных поисков истины в этом сложном, но пока единственном во всей вселенной - мире людей.

Подтверждение сказанному выше мы находим у самого писателя, заявившему в одном из эссе: «И если, обобщая, окинуть взглядом все свои утраты, о которых говорилось выше, то, несомненно, о бессмертии своего чувства к жене и семье я говорил в романе «Треугольная Земля»; о бессмертии истинной дружбы в молодости, о

⁶ Г. Хан (Островская). Комментарий к эссе А. Кана «РОДИНА (Литература корейцев СНГ: обретенная идентичность)», <http://koryo-saram.ru/>

⁷ Бродский И. Нобелевская лекция. <http://lib.ru/BRODSKI/lect.txt>

которой мечтают все парни, я говорю в другом своем романе *«Голем Убывающей Луны»*; и наконец, о бессмертии образа отца, кому я посвятил практически все свои произведения, я говорю сейчас...»⁸.

Творчество Кана обширно: романы, повести, рассказы, многочисленные эссе, поэма и т.д. В книжных магазинах и на книжных развалах Узбекистана вряд ли можно найти в продаже произведения этого писателя. Но у жителей Узбекистана, любителей литературы и профессиональных литературоведов, есть прекрасная и довольно удобная форма, так сказать, общения с творчеством Александра Кана да и других русскоязычных писателей-корейцев – это сайт «Коре сарам» (Записки о корейцах), адрес ресурса: <http://koryo-saram.ru/category/literature/>.⁹ Даже будучи постоянным читателем разделов сайта, я не нашел там пьесу Кана «Коридор», а познакомился я с драматургическим опытом Александра совершенно случайно. Об этом стоит сказать отдельно.

В мае 2012 года в городе Алматы состоялась Международная научная конференция «Литература корейцев СССР и СНГ: открытия и перспективы исследований», не знаю кому как, а для меня на этом форуме открытие состоялось – это была уже упомянутая пьеса А. Кана «Коридор» и личное знакомство с писателем и человеком - Александром Каном. Один из организаторов названной конференции профессор Ким Г.Н не только пригласил на эту конференцию, но прислал на моё усмотрение около десятка драматургических произведений, анализ одно из которых должен был лечь в основу моего сообщения на пленарном заседании. Понятно, что из довольно обширного списка, мой выбор пал именно на пьесу А.Кана «Коридор». Тогда сразу я не связал название «комедии» с строками из стихотворения Иосифа Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку»:

О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора. Потому что пространство сделано из коридора и кончается счетчиком. А если войдет живая милка, пасть разевая, выгони не раздевая.

Кстати, замечу, что «комната» и «коридор» - основные сюжетобразующие метафоры, пронизывающие всю большую и малую прозу автора «Коридора».

Но вернемся к драматургическому произведению Кана и попробуем, пусть очень эскизно, но заинтересованно проследить как писатель отображает «маргинальное сознание советских корейцев и диаспоральный экзистенциализм» «под впечатлением тех общественных процессов, которые протекали», как он сам признается, вокруг него в самом начале 90-х годов прошлого столетия.

⁸ Александр Кан. Над тёмной водой (эссе об отце), <http://koryo-saram.ru/>.

⁹ Я бы хотел здесь отметить огромную помощь при подборе материала для настоящего сообщения Владислава Хана, создателя, владельца, журналиста и главного редактора сайта.

Пьеса Александра Кана «Коридор» названа патриотической комедией и посвящена соотечественникам.¹⁰ Нет сомнений, что уже в самом названии, подзаголовке и посвящении заложен тот глубинный иронический смысл, определяющий весь ход драматического действия в комедии. Впрочем, и комедией в полном смысле назвать это произведение довольно затруднительно. Несмотря на то, что автор, на протяжении всего сценического действия, почти смакуя, рисует все неприглядные стороны человеческого бытия, обнажает душевную пустоту своих героев, смеяться почему-то совершенно не хочется. Трудно назвать пьесу и трагедией, уж очень мелкие по своей человеческой сути главные действующие лица в ней, а поступки их, которые можно назвать лишь потугами - чрезвычайно унижительны для человеческого достоинства. Но примем условия игры, установленные автором, будем называть пьесу «патриотической комедией», оставляя название в кавычках.

Всё, что сегодня пишется для сцены и играется на ней, критиками и обстоятельными литературоведами, как правило, подвергается, так сказать, процедуре идентификации.¹¹ Используя только одно из значений этого, многозначного понятия, как-то – уподобление, отождествление, попробуем, очень эскизно, определить место и родство пьесы Александра Кана в огромном разножанровом семействе современной драматургии.

«Коридор» с новой драмой конца XX – начала XXI века роднит неопределенный финал, не дающий ни одной зацепки для домысливания последующих событий, эксперимент с формой, где без всяких переходов смыкаются параллельные миры. Налицо глубокая и обстоятельная рефлексия героев, ощущение ими безысходности одиночества и отчуждения, а также изображение личности, находящейся в критической ситуации в период переломной эпохи.

Но подзаголовок «патриотическая комедия», а затем и фраза: «соотечественникам посвящается», намекают на некую близость пьесы к «драме абсурда». Прямо скажем, что читатель только после прочтения (а зритель, видимо, после просмотра) постигает всю глубину

¹⁰ Доклад под названием «К вопросу о ценностных ориентирах героев пьесы А. Кана «Коридор» был прочитан 17 мая 2012 года на Международной конференции, упомянутой выше в тексте настоящего сообщения. На пленарном заседании конференции приняли участие видные филологи казахстанских университетов и Академии наук, представители Ассоциации корейских культурных центров из Сеула, но самое главное – среди участников форума был и сам автор «Коридора».

¹¹ Специально, но не злонамеренно, употребляю именно этот термин, так как, мне кажется, это наиболее часто употребляемый и любимый термин Александра Кана- литературоведа и философа.

саркастической издёвки А. Кана, вложенную в очень традиционную и, казалось бы, безобидную авторскую маркировку произведения.

Всё, с первых мизансцен и до самой последней, заключительной ремарки в пьесе, пропитано духом и атмосферой диссонанса, тщетности усилий героев. В многолюдной квартире и в многомиллиардном мире человек одинок и беспомощен. При этом герои Александра Кана коре сарам, а, следовательно, трагедия этих людей predetermined и усилена роком, имя которому – депортация.

Герои пьесы постоянно живут в «промежуточном пространстве», материальное воплощение которого в пьесе выполняет коридор, с множеством дверей в разные комнаты (так и хочется повторить: «со множеством затворов и темниц»). Герои «Коридора», в отличие, к примеру, от персонажей пьес Н.Коляды, А. Родионова и М.Курочкина и других новомодных драматургов, не представители социальных низов.

Действующие лица в пьесе А. Кана где-то работают, учатся, но они не живут проблемами работы, коллектива, не вспоминают друзей и сослуживцев. Мы так и не узнаем, чем они занимаются, какова их роль и место в социуме, не тяготят их и проблемы быта, хотя его вряд ли назовешь благополучным. Более того, они практически не видят и даже не пытаются узнать, чем живет, что чувствует их родной сын -школьник.

Скорее всего, родители Антона продолжают традиции своих дедов и отцов, всё повторяется, как говорят, дежавю: дед совершал подвиги, строил новую жизнь, можно сказать, отдал её за будущее счастье внуков, но так и не успел им рассказать «о времени и о себе», о смысле своих деяний. Отец Бориса, теперь уже дед Антона, оставил семью и практически исчез не только из жизни, но и из памяти своих детей. Борису, с Риммой, в свою очередь, нет времени и желания поговорить со своим сыном.

Мы любим часто повторять вслед за Принцем Датским: «распалась связь времен», имея в виду переоценку и отрицание многих нравственных канонов прошлого современными молодыми людьми. Александр Кан в своей пьесе утверждает, что мы не правы и дети, если вдуматься, лишь повторяют ошибки своих родителей, и даже дети детей наших будут следовать этому правилу. Печально и почти безысходно. На память приходят слова из Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.»¹²

Детское желание уехать из дома куда угодно, чаще в далёкие страны, возникает хотя бы раз в жизни почти у каждого ребенка. В

¹² Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета (канонические), в Русском переводе с Параллельными Местами, Еккл. 9, 10, 11, М., с- 666

случае же с молодыми героями А. Кана - всё серьёзнее. В основе их поступка лежит месть. Месть за невнимание к их проблемам со стороны взрослых, отчужденность, отсутствие любви материнской и отеческой, неприятие фальши и лицемерия, в окружении которых они живут.

И, тем не менее, все они, родители и дети, очень похожи и зависимы друг от друга. Вот она - парадоксальность творческой манеры Кана, который высвечивает для зрителя (читателя) невидимые психологические нити, соединяющие, этих, не всегда симпатичных, никогда друг друга не слушающих и, естественно, друг друга не понимающих, и не любящих людей. На память приходят строчки Иосифа Бродского, сказанные, правда, по другому поводу:

*Ничем уж их нельзя соединить:
чертой лица, характером, надломом.
Но между ними существует нить,
обычно именуемая домом.*¹³

Завершается комедия совершенно непатриотически, очень печально, если не сказать - страшно. Впереди только затемнение, катарсис даже не намечается.

«Коридор» - это, конечно, не сточная канава, по которой плывут крысы из пьесы «Рогатка» Николая Коляды, но после прочтения «патриотической комедии», остаётся, мягко говоря, неприязненное чувство к персонажам, населявшим пьесу.

Концептуально пьеса Александра Кана – это подтверждение средствами драматургии некоторых идейных и социально-политических взглядов писателя на современное состояние диаспоры коре сарам, изложенных им в многочисленных статьях, эссе и сообщениях. На мой взгляд, драматург А.Кан довольно явственно опирается на традиции поздних римских трагедий, где авторы пытались через чувства достучаться до разума, когда зритель увидев мерзкий лик зла, испытав психологический шок приходит к осознанию необходимости бороться с ним. И это уже само по себе предполагало очищение души античного зрителя, возвышая и воспитывая его.

В трагикомической по своей сути драме «Коридор» писатель использует, так называемые, «сильно действующие» художественные средства, рассчитанные на то, что зритель и читатель оскорблен будет этим потоком лицемерия, бездуховности, равнодушия и безнравственности, выплеснутым с подмостков сцены в зрительный зал. Но катарсис всё-таки наступит, пусть не на сцене, не в сценических

¹³ И. Бродский. Всё чуждо в доме новому жильцу. В книге: Иосиф Бродский. Стихотворения и поэмы (основное собрание), http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_poetry.txt

характерах героев пьесы, а в сознании и душах зрителей, читателей. Несомненно, каждый, прочитавший или увидевший на сцене трагикомедию «Коридор» обязательно придет к мысли: так жить нельзя, ибо это противно естеству человеческому.